

На улице Металлоизделий всё оставалось по-прежнему: солнце заглядывало сюда от силы на полдня. Похоже, все подобные улочки в стране были скроены по одному лекалу: в жару здесь негде укрыться от зноя, а в холод — сыро, мрачно и ни единого теплого местечка. Как любил говаривать Толстяк Чжоу, металл губит дерево, оттого и деревья тут торчат общипанными курами — ни тени от них, ни защиты от ветра.

Чжай Чэнь же считал, что всё куда проще: магазины инструментов всегда открывают в тупиках и переулках, где аренда дешевле, так что о хорошем фэншуй и оживленных местах нечего и мечтать. Нелепая теория Толстяка Чжоу переворачивала всё с ног на голову: перенеси эти лавки в Здание «Цайфу», и там наверняка зимой будет тепло, летом прохладно, а солнца — хоть отбавля.

Чжай Чэнь не заглядывал сюда какое-то время, и огромная вывеска Особого домашнего агентства «Тюлень» — с золотыми иероглифами на красном фоне — покрылась еще более плотным слоем жира. Всё из-за того, что соседний хозяйственный закрылся, а на его месте открылась забегаловка с горячей лапшой и жареной рисовой лапшой. Их дымоход вывели наружу, прорубив дыру прямо в вывеске агентства, и за несколько дней закоптили «Тюленя» так, что он стал похож на жареного во фритюре.

— Ого, не виделись всего ничего, а вывеска уже лоснится от жира. Разбогател, никак, Толстяк Чжоу? — Чжай Чэнь вошел внутрь с пакетом еды и бросил его на аляповатый стеклянный журнальный столик, обмотанный зелеными пластиковыми цветами.

— Иди ты к черту! Если бы не жалость к этой бедной вдовушке по соседству, я бы давно разнес ее лавочку, — злобно проворчал Толстяк Чжоу, потирая лысину.

— Ого, вдовушка? И откуда же ты знаешь, что она вдова? — Чжай Чэнь присел на подлокотник дивана, поставив одну ногу на край стула, и многозначительно на него посмотрел.

— Сама сказала. Муж умер, ребенка одна тащит, — лысый Чжоу засучил рукава, обнажив руки с татуировками синего дракона на левой и белого тигра на правой, и принялся копать в пакете с едой. Тяжелая золотая цепь на его шее закачалась в такт движениям, издавая тихий звон.

— Надо же, когда это наш лысый Толстяк Чжоу заделался праведником? — Яоцзы еще не пришел, Чжай Чэню было смертельно скучно, и он всю подначивал Толстяка Чжоу.

— Не будь я добряком, стал бы я возиться с такими оборванцами, как вы? — усмехнулся Толстяк Чжоу, указав сначала на Чжай Чэня, а затем на Яоцзы, который как раз показался в дверях.

— А? — Яоцзы, одетый в рабочую робу и с ног до головы испачканный машинным маслом, недоуменно замер на пороге. В руках он держал плетеную сумку с надписью «Целебная настойка», внутри которой лежало что-то объемное, завернутое в старые газеты и пластиковые пакеты.

Только когда Чжай Чэнь поманил его рукой, Яоцзы огляделся по сторонам и наполовину опустил рольставни.

— Эй, ты чего творишь? Работать-то как! — недовольно проворчал лысый Толстяк Чжоу.

Но Яоцзы не отступил и вдобавок запер стеклянную дверь на замок. Он прошел к дивану, опустил на него вместе с сумкой и уставился на нее остекленевшим взглядом, не произнося

ни слова.

Толстяк Чжоу перевел взгляд с него на сумку и шумно втянул воздух сквозь зубы:

— Послушай, Яоцзы, ты что, принес эту штуку?

— Да, дома оставлять побоялся, — Яоцзы кивнул, переводя взгляд с Толстяка Чжоу на Чжай Чэня. На лице этого крепкого, мускулистого мужчины отразилась редкая растерянность. В этот миг он словно превратился в того самого мальчишку, который когда-то ходил под началом Брата Ху, — беспомощного и ждущего, что кто-то другой примет за него решение.

У Толстяка Чжоу аж печенька разболелась от досады. Он поднялся и сам опустил рольставни до самого пола. Комната тут же погрузилась в тишину, отрезавшую их от уличной суеты и шума, и превратилась в относительно безопасное, замкнутое пространство.

Чжай Чэнь приподнял бровь, притянул сумку к себе и заглянул внутрь. Из-за плотной обертки ничего нельзя было разобрать.

— Что это?

— Камень, — Яоцзы принялся разворачивать сверток.

— погоди! — остановил его Толстяк Чжоу, не дав разорвать газету. Он быстро сходил к стойке, достал два полотенца, сложил их и расстелил на столе. — Такую ценность — и прямо на стеклянный стол бахнуть решил!

Толстяк Чжоу и сам не отличался аккуратностью, но, будучи любителем четок и браслетов, понимал, что под ценную вещь нужно подложить мягкое. Только после этого он кивнул Яоцзы, чтобы тот аккуратно вынул предмет и опустил его на полотенца.

Это был бесформенный кусок руды с неровными, местами довольно острыми краями. С виду темный и невзрачный, словно кусок угля, и лишь на одном небольшом участке, который, видимо, оттерли, под холодным светом люминесцентной лампы слабо мерцали золотистые искорки.

— Тогда, в автобусе, мы ограбили двоих. В рюкзаке у них лежали такие вот камни и куча наличных. Брат Ху сказал, что это самородки, и велел нам забрать их себе, а сам забрал почти все деньги. Когда вернулись, оказалось, что никакие это не самородки, а просто булыжники. — Яоцзы во все глаза смотрел на руду, словно до сих пор не мог прийти в себя, и начал рассказывать историю камня с самого начала.

Чжай Чэнь и Толстяк Чжоу переглянулись и молча дослушали его рассказ.

— Когда меня посадили, я думал, что эту штуку конфисковали вместе с деньгами. Кто же знал, что мама ее припрятала. Наверное, тогда она нашла похожий булыжник и отдала его вместо этого.

Услышать, что это «золотой самородок», и во что бы то ни стало его припрятать — это и правда было в духе матери Яоцзы.

— По идее, это краденое, его надо сдать. Но сейчас этот камень оценивают в триста тысяч. Сдай я его — точно наживу проблем, а у меня мама... — На этих словах Яоцзы обхватил голову руками.

Его мать давно и тяжело болела редким недугом, который невозможно излечить — можно лишь поддерживать жизнь постоянным приемом лекарств. Недавно ей резко стало хуже, ее госпитализировали, и вот уже две недели деньги улетали как вода. Только Яоцзы вернул Чжай Чэню те пять тысяч, что занимал в прошлый раз, как снова пришлось просить еще двадцать.

Продажа камня помогла бы решить неотложные проблемы и покрыть расходы на предстоящую операцию.

— Погоди-ка. Что это вообще за хрень? С чего ты взял, что ее можно продать за триста тысяч?

— Чжай Чэнь легонько хлопнул Яоцзы по затылку, призывая прийти в себя и говорить толком.

Яоцзы потер лицо ладонью, но из-за осевшей на руках грязи лишь размазал ее по коже, так что пришлось воспользоваться лежащей на столе тряпкой. Затем он взял обрывок газеты и потер камень. Вскоре на очищенном месте проступил блеск. Тогда он стер пыль со всей верхней грани, обнажая спил.

Среди прожилок породы блестели вкрапления бледного золота с мерцающими песчинками.

— У того парня, который взял второй камень, родственник занимается камнями. Он говорит, эта штука называется снежным золотом.

«Торговец камнями» означало не просто продавца булыжников, а перекупщика, связанного с торговлей самоцветами. Такие люди привозили необработанную породу с месторождений нефрита и продавали ее тем, кто надеялся сорвать куш при распиле.

Торговца звали Ши Цюанью, он приходился дальним родственником приятелю Яоцзы. Обычно он занимался исключительно нефритом, но почему-то положил глаз на этот невзрачный кусок черной руды, заявив, что это чрезвычайно ценное снежное золото. По словам Ши Цюанью, эта руда была известна еще в древности: выплавленное из нее золото шло крупичками, похожими на падающий снег, переливаясь и поблескивая, но месторождения иссякли много лет назад.

— Снежное золото? Я слышал только про самородное золото, а это еще что за зверь? Смотри, как бы тебя вокруг пальца не обвели, — с сомнением проговорил Толстяк Чжоу, сморщив пухлое лицо.

— Скину-ка я фото своему нанимателю, вдруг он в курсе, — Чжай Чэнь сделал снимок и отправил его Гао Юйшэну.

Яоцзы не возражал.

Толстяк Чжоу полюбопытствовал:

— Твой наниматель разбирается в камнях? Он же вроде интернет-компанией рулит?

Чжай Чэнь ответил с безграничным доверием:

— Он во всем разбирается. И в этом наверняка тоже.

Толстяк Чжоу: «...»

Не успел Чжай Чэнь начать хвастаться своим Сяо Тяньцы, как раздался звонок от Гао Юйшэна. Голос в трубке звучал предельно серьезно:

— Немедленно положи его в металлический ящик и уходи оттуда. Держитесь от камня как минимум в двадцати метрах, быстро!

Чжай Чэнь резко вскочил:

— Твою мать!

— Что такое? Что стряслось? — сидевшие на диване мужчины перепугались от его резкой реакции.

Гао Юйшэн хладнокровно повторил требование отойти на двадцать метров. Чжай Чэнь тут же выволок приятелей наружу, опустил рольставни и оттащил их к растущему у дороги дереву.

— Эта штука что, взорваться может? — спросил Чжай Чэнь у Гао Юйшэна, на заднем плане у которого слышался такой шум, словно он бежал к гаражу.

— Я сейчас приеду. Не приближайтесь к ней, — бросил Гао Юйшэн и повесил трубку.

От автора:

Мини-сценка:

Братец Чэнь: Видал? Наш Тяньцы и правда всё знает.

Яоцзы: И что он сказал?

Братец Чэнь: Да ничего не сказал.

Яоцзы: ...

Вытащенные наружу Толстяк Чжоу и Яоцзы стояли с потерянным видом. Соседи с любопытством поглядывали на троих взрослых мужиков, сгрудившихся у дерева и занимавшихся непонятно чем.

— Что это вы тут делаете? — с улыбкой поинтересовалась молодая вдова из соседней лапшичной, выходя вылить грязную воду.

Повидавший виды Толстяк Чжоу понятия не имел, как объяснить это безумное поведение, и лишь отвесил Чжай Чэню легкий подзатыльник.

— Да в помещении жара невыносимая, вот и вышли проветриться, — глазом не моргнув, соврал Чжай Чэнь.

<http://bllate.org/book/18293/1757301>